

вает его к себе ректор Сибирского федерального университета и говорит: «Виктор Георгиевич, давайте наберём студентов-бакалавров, будущих учителей начальной школы по технологии развивающего обучения». Виктор Георгиевич не хотел этим заниматься и попросил денёк на размышление, с твёрдым намерением прийти и отказать. И ночью ему приснилось, что он попал на небо, там его встречает В. В. Давыдов и спрашивает: «Виктор, что ты сделал для развивающего обучения?». Виктор Георгиевич проснулся, пошёл к ректору и согласился. В этом году он уже подготовил первый выпуск учителей начальных классов для работы по технологии развивающего обучения, вот так вот. Ну, здесь трудно сказать, была ли это консультация...

4.4. ИНТЕРВЬЮ С В.С. ЛАЗАРЕВЫМ*

Валерий Семенович ЛАЗАРЕВ

Доктор психологических наук, профессор.

Академик РАО.

Главный научный сотрудник Психологического института РАО.

Ведущий специалист в области стратегии развития образования и психологии управления.

– Расскажите, Валерий Семенович, какие этапы, события Вашей жизни и профессиональной деятельности связаны с именем Василия Васильевича?

– С Василием Васильевичем связаны более 40 лет моей жизни. Я пришел работать в Институт общей и педагогической психологии АПН СССР в 1975 году. В. В. Давыдов в то время был его директором. По образованию я не был психологом. Вуз я закончил по спе-

* Интервьюеры – Виктория Морозова, Алина Орлова – магистранты ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

циальности «Автоматика и вычислительная техника». Три года по окончании вуза отработал в конструкторском бюро, занимавшемся разработкой и внедрением автоматизированных систем управления, и понял, что автоматизировать беспорядок – только его усилить. Проблема не в том, чтобы машина считала за человека, а чтобы человек лучше думал. Я пришел в психологический институт с дурацкой (как я потом понял) идеей разработать математическую модель человека. К этому времени такие модели уже создавались. В частности, была модель, разработанная Саймоном (будущим Нобелевским лауреатом) и Марчем. Свою модель разработал знаменитый в то время академик Амосов.

Я, как и многие люди с естественно-математическим образованием, имел упрощенное представление о психологии и не знал философии. Я был уверен, что математика – царица всех наук. Мне повезло попасть на работу в давыдовский институт, потому что именно в это время там создавался отдел прикладных проблем, в который набирали людей разных специальностей с идеей реализации комплексных практико-ориентированных проектов. Предполагалось, что этот отдел будет работать над реальными проектами по заказам и зарабатывать на этом деньги. Я попал в этот отдел и через некоторое время стал руководить крупным проектом по управленческой тематике. В. В. Давыдов как директор института интересовался ходом реализации проекта, и мы стали встречаться у него в кабинете. Поскольку меня интересовала проблема развития мышления руководителей, я начал читать работы Давыдова и его теорию развивающего обучения. Мне захотелось применить его идеи для обучения управленцев. В. В. Давыдова тоже заинтересовала эта идея, и он стал поощрять меня в моих продвижениях. Участвуя в семинарах В. В. Давыдова, на которых обсуждались проблемы практической реализации системы развивающего обучения в школах, я обнаружил, что вне поля внимания остаются важнейшие вопросы, без ответа на которые нельзя рассчитывать на то, что система развивающего обучения будет внедряться не только в экспериментальных школах. Я сформулировал свою мысль для В. В. Давыдова примерно так: «Не может быть внедрена система развивающего обучения в неразвивающейся школе. Ваша система развивающая, но не развивающаяся. Невозможно ее мгновенно взять и сделать, ее нужно выращивать, а выращивание – это длительный процесс. Это процесс выращивания новой организации». Ситуация была примерно такой, как если бы проектировали здание, но никто не задумы-

вался, как его будут строить. В это время в менеджменте была разработана концепция организационного развития, я рассказал о ней В.В. Давыдову, ему это показалось интересным, и он сказал: «Ну ты этим и занимайся». Но дальше произошли события, которые на многие годы остановили начатые исследования. В 1983 году «доброжелатели», реализовав «хитроумный план», добились исключения В. В. Давыдова из рядов КПСС и снятия с должности директора института. Лаборатории его учеников и последователей закрыли, в том числе и мою. Мы пошли по миру, разошлись по разным организациям. В. В. Давыдов стал работать старшим научным сотрудником в Институте дошкольного воспитания, а я до начала 1990-х годов ходил по разным организациям. Но встречаясь с В. В. Давыдовым уже на нейтральной территории, мы продолжали обсуждать проблемы развивающего образования. Все проблемы, которые сегодня обсуждаются, и тогда обсуждали, но только в узком кругу, поскольку рядом с ним осталось не так много людей.

После известных событий с распадом СССР ситуация существенно изменилась. В 1991 году я стал советником министра образования, В. В. Давыдов – вице-президентом Российской академии образования, созданной на базе бывшей АПН СССР. Потом мне предложили стать директором Института управления образованием РАО, и мы стали заниматься проблемами управления развитием образовательных систем, прежде всего школ. Я занимался этим вплоть до 1998 года. Но после смерти Давыдова я сразу же подал заявление об увольнении, поскольку мне надоело «директорствовать». При жизни В.В. Давыдова я несколько раз собирался подать заявление об уходе с директорского поста, поскольку было слишком много рутины, но он всякий раз говорил, что ему в его кресле еще хуже, однако нужно терпеть ради дела.

После увольнения я года три занимался свободным творчеством, а потом мне предложили стать директором вновь создаваемого Института инновационной деятельности в образовании РАО. В институте мы стали разрабатывать проблематику системного развития образовательных организаций, ориентируясь на создание технологий внедрения систем развивающего обучения. Параллельно с этим я стал разрабатывать идею внедрения в школе проектной деятельности как формы развивающего обучения.

Система развивающего обучения хорошо разработана для начальной школы, но для средней школы она мало разработана и, к сожалению, существенного продвижения в этом направлении не

видно. В.В. Давыдов в своей периодизации психического развития в качестве основного новообразования подросткового возраста выделил практическое сознание. Но оно не формируется в познавательной деятельности, а система развивающего обучения предполагает, что учебная деятельность строится в форме квазиисследования. Тогда возникает вопрос: означает ли это, что практическое сознание должно развиваться вне школы, и школа в этом участвовать не будет? Я полагаю, что проектная деятельность должна стать формой развивающего обучения, по крайней мере, в средней и старшей школе.

Вот так, по сути дела, вся моя творческая жизнь связана с именем В.В. Давыдова и служением этой научной школе, школе Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова.

– Есть ли у Вас такие черты профессионала, которые Вы, так или иначе, связываете с Василием Васильевичем? Какие это черты, жизненные позиции, отношение к работе?

– Конечно, это свобода. Я человек, который ценит больше всего свободу, свободный человек, как совершенно правильно писал Э.В. Ильенков, это человек, действующий с пониманием сути дела. У Гегеля есть различие: воля чувствующая, воля должностующая и воля мыслящая; мыслящая воля и есть свобода. Я стремлюсь к свободе, т. е. диктат ко мне, так же как и к Василию Васильевичу, неприменим.

Второе – это умение служить делу, не заботиться о чинах, они придут сами. У меня есть статья «Феномен личности В.В. Давыдова с позиции давыдовской концепции личности», там я писал об основных чертах личности Давыдова и, как он, стараюсь следовать этой концепции, это естественный способ жизни.

– Какие высказывания Василия Васильевича (его теоретические идеи, жизненные позиции) стали для Вас особо ценными, в каких обстоятельствах Вашей жизни Вы обращались к ним?

– Здесь же не в высказываниях дело, а в идеях, которые изложены в книгах В. В. Давыдова, в его статьях. Высказывания сами по себе ровным счетом ничего не значат. Важна идея радикальной перестройки системы образования, которую В.В. Давыдов сформулировал в 1960-х годах. На мой взгляд, книга В. В. Давыдова «Виды обобщения в обучении» – самая революционная книга в мире. Ко 2-му изданию этой книги я по просьбе жены и сподвижницы В. В. Давыдова Люции Васильевны Берцфаи написал предисловие. Там я изложил ключевые идеи, которые мне особо нравятся. Смысл об-

разования в том, чтобы оно создало условия для полноценного развития ребенка в разные возрастные периоды. Современное образование не создает эти условия, вредит развитию мышления ребенка, эмпирическое мышление развивается только до 10–12 лет, а дальше расширяется объем знаний, а тип мышления остается неизменным. Поэтому главная идея В. В. Давыдова – это то, что образование нужно перестраивать на деятельностной основе. Для меня важно следовать принципу «Всякая теория мертва, если она не развивается». Поэтому в любой теории нужно находить проблемы и эти проблемы разрабатывать и решать.

– Василий Васильевич занимался многим в своей жизни. Он был редактором, преподавателем, лектором, организатором науки, философом и теоретиком, практиком. Расскажите, пожалуйста, об этих сторонах его деятельности, где Вам посчастливилось с ним сотрудничать.

– Мы с ним сотрудничали везде, в каждой сфере, которые вы перечислили. Редактором он был недолго, по необходимости; был лектором, мы с ним участвовали в нескольких семинарах, которые он проводил, я выступал с лекциями. Заниматься философией серьезно я начал именно благодаря Василию Васильевичу. Когда я пришел работать в его институт и стал ходить на знаменитые в то время давыдовские семинары (они проходили по четвергам раз в две недели), то обнаружил, что многого не знаю и не понимаю. В относительно небольшой аудитории собирались триста и более человек. Многие сидели на ступеньках, люди приезжали из других городов именно для того, чтобы попасть на этот семинар. Это было нечто выдающееся, Давыдовские четверги, они были легендарны. Там выступали блестящие люди, причем все занимали разные позиции, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили и Г. П. Щедровицкий, Ф. Т. Михайлов, В. П. Зинченко, сам В. В. Давыдов и др. Они все дружили, учились все вместе на философском факультете, но у всех были свои позиции. Чтобы их понимать, мне пришлось заниматься изучением философии. Я начал самообразовываться. Строил план на каждый год, ходил на лекции в МГУ, стал разбираться в теории учебной деятельности. Я каждый год себе планировал, кого я изучаю из философов. Василий Васильевич вообще считал, что быть психологом-теоретиком, не зная философии, невозможно. Серьезно заниматься психологией без философии вообще нельзя.

– Каким Василий Васильевич был в повседневном общении с коллегами, с друзьями, учениками? Как Вам кажется, что он ценил в людях больше всего?

– Ценил в людях преданность делу и надежность. Он знал, на кого можно положиться и кто не подведет. Общался по-разному с разными людьми – с коллегами, друзьями, учениками, чиновниками, недоброжелателями, носителями других научных взглядов. В его институте была сложная атмосфера, не все разделяли его идеи, большая часть вообще не разделяла идеи давыдовские и культурно-исторической психологии. В. В. Давыдов со всеми дискутировал, спорил, но даже мысли быть не могло, чтобы он какого-то человека уволил из-за того, что тот не разделял его взглядов.

Он был очень разным в зависимости от ситуации. Вообще, как человек, он был необыкновенно привлекательным. Где был Давыдов, там сразу оказывался центр всего. Всё крутилось вокруг него. У него был блестящий русский язык и какая-то особенная душевность. Он был одновременно и жесткий человек, когда касалось дела, но необыкновенно привлекательный. Что определяло его привлекательность, я не могу сказать. Конечно, он был умный, и все было при нем, но не этим всё объясняется. Что-то в нем было такое, что каждый человек понимал, что это что-то великое, большое.

– Как, на Ваш взгляд, отнесся бы Василий Васильевич к современным реформам в школьном и высшем образовании? Что бы он приветствовал в первую очередь, о чем бы больше всего беспокоился, от чего бы предостерегал современных реформаторов?

– Тут трудно мне сказать. Он, наверное, с одной стороны, должен был бы приветствовать принятие нового стандарта, т. е. стандарт школьного образования построен на давыдовских идеях. До пятидесятой страницы, где излагаются основные принципы так называемого деятельностного подхода к образованию школьников, формирования умения учиться. Провозглашена необходимость формирования разных умений. Он бы принял, но сказал бы, что много чепухи.

Когда читаешь новые стандарты, думаешь: сколько мусора написано, сколько глупостей. Сама идея правильная, но реализована очень плохо, поэтому саму идею он бы поддержал, но вряд ли поддержал стандарт в том виде, в котором он сегодня существует.

Что касается высшего образования, то, думаю, никогда бы он не согласился с формулировками «компетентность», «некомпетентность». Те, кто создавал компетентностный подход, сами говорили, что основывались на деятельностном подходе, т. е. на идеях П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и всех остальных, но слова другие.

Раньше называли «знания», теперь «когнитивная компетентность». Раньше назывались «умения», теперь «компетенции». Слова меняются, а смысл остается тем же самым. Как была в основе

подготовки специалистов лекционная форма обучения, так и осталась, а через лекции, т. е. через глаза и уши, никакого специалиста подготовить невозможно. Чтобы научиться плавать, нужно плавать. Чтобы научиться играть в шахматы, нужно играть в шахматы. Чтобы стать преподавателем, нужно учиться реальным действиям преподавателей, и именно это должно быть на занятиях.

Замену «словесов» он бы не приветствовал, а замену технологий, которые необходимы для реализации компетенций, он бы, конечно, приветствовал. Но пока что-то не видно нигде, чтобы реально изменилось это наше высшее образование. Поэтому здесь приветствовать нечего. Он был бы огорчен тем, что этот стандарт не внедряется и не может быть внедрен.

Я написал статью для журнала «Педагогика», называлась она «ФГОС общего образования: блеск деклараций, нищета реализации». Редактор журнала заменил «нищету» на «ограниченность». Но суть осталось прежней. В статье я показал, что стандарт в принципе не может быть реализован, поскольку не созданы для этого важнейшие условия. Этому можно только огорчаться, и В.В. Давыдов бы огорчился.

Реализация стандартов требует от педагогов другого мышления, а где его взять, если ни в школе его не формируют, ни в вузе. Одно и то же – заучивание, зазубривание, сдача экзаменов и списывание проектов из Интернета. Чтобы научиться думать, нужно думать, но этого тоже недостаточно, т. к. чтобы плавать, нужно плавать, а чтобы хорошо плавать, нужно освоить специальную технику. Так же и с мышлением: чтобы думать хорошо, нужно освоить особые технологии и средства мыслительной работы.

– Если бы у Вас сейчас была возможность обсуждать современное состояние развития теории учебной деятельности, то по какой проблеме Вы бы хотели с ним проконсультироваться, ответ на какой вопрос хотели бы получить?

– Я никогда с ним не консультировался и не задавал ему вопросов. При мне была такая история, когда к В. В. Давыдову пришел аспирант и сказал: «В.В., у меня много идей». В. В. ответил: «Мне не нужны твои идеи, у меня своих полный стол, мне твои руки нужны».

Поэтому я приходил к нему с проблемами, которые в его теории существуют. Я ему говорил, что считаю неправильным, не разработанным. Он злился и говорил: «Да, может быть, это не разработано, но об этом сказано там-то и там-то. Ну, и думай, сиди!». Так мы обсуждали, а если он и приглашал обсуждать какую-то пробле-

му, то хотел, чтобы мы высказывались, и мы высказывались по этой проблематике.

Я все время разговариваю и пишу про эти проблемы теории и практики развивающего обучения. Часть из них мы с Василием Васильевичем обсуждали, часть возникла уже после. Проектная деятельность активно развивается, и это мы, безусловно, обсуждали с ним, как и пути ее развития. При переходе к старшим возрастам недостаточно только реализовывать познавательную деятельность. Нужно научить детей осмысливать проблемную ситуацию.

Мы все это с ним обсуждали. Я не ходил к нему консультироваться. Разбирайся, читай, чего консультироваться-то? Приходи с предложениями, идеями. Только тогда это работает. Приходить и спрашивать ответы на вопросы не нужно. Сам ищи ответы на вопросы, а не кланчи, не жди, что он скажет.

4.5. ИНТЕРВЬЮ С К. Н. ПОЛИВАНОВОЙ*

*Катерина Николаевна
ПОЛИВАНОВА*

Доктор психологических наук, профессор.

Директор Центра исследований современного детства Института образования НИУ «Высшая школа экономики».

Профессор кафедры возрастной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Работала в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР с 1974 г., в то время, когда В. В. Давыдов руководил Институтом.

С 1988-го по 1993 г. работала старшим научным сотрудником в Лаборатории психологии младшего школьника, которой руководил В.В. Давыдов.

* Интервьюер – Алексей Гонтаренко, магистрант программы «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании» ФГБОУ ВО «МГППУ».